

Философское эссе В.П. Буренина и статья Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”

К.А. Баршт

В статье предлагается новая версия генезиса публикации Раскольникова в “Преступлении и наказании” Ф.М. Достоевского, по содержанию она существенно отличается от беседы Порфирия и Раскольникова о праве сильной личности на преступление. В записной тетради Достоевский пометил, что статья, которой заинтересовался Порфирий, была опубликована в газете “Санкт-Петербургские ведомости”. Действие романа “Преступление и наказание” относится к 1865 году. Согласно нашей версии, здесь налицо аллюзия на В.П. Буренина, в частности, его публикацию в газете “Санкт-Петербургские ведомости” от 31 октября / 12 ноября 1865, фельетон “Общественные и литературные заметки” под псевдонимом “Выборгский пустынный”. В этой статье Буренин анализирует две противоположные по этическому смыслу модели жизненного пути человека, одна из которых именуется им “настоящей жизнью”, а вторая трактуется как бессмысленная, хотя и наполненная удовольствиями. Достоевский был внимательным читателем газеты, кроме того, был хорошо знаком с другими произведениями Буренина: в 1863–1865 гг. он полемизировал с журналом “Современник”, где печатались его резкие выпады против журнала братьев Достоевских “Время”. В данной статье прослеживаются разные этапы развития взаимоотношений между двумя писателями, заметно, что в 1870-е гг. их отношения существенно потеплели. Начало этого интереса со стороны Достоевского к одному из главных лидеров “нигилистов” 1860 гг. мы видим в попытке отобразить характер Буренина, честного молодого радикала, наделенного выдающимся литературным талантом, в главном герое написанного им в 1865–1866 гг. романе “Преступление и наказание”.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ф.М. Достоевский, “Преступление и наказание”, статья Раскольникова, статья В.П. Буренина.

БАРШТ Константин Абрекович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

konstantin_barsht@pushdom.ru

<http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10084>

Статья поступила в редакцию 10 июня 2016 г.

Цитирование: *Баршт К.А.* Философское эссе В.П. Буренина и статья Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 112–123.

Достоевский черпал материал для строительства произведений из многих областей знаний, разных слоев культуры, и нередко целый ряд идей и событий, существующих параллельно в исторических анналах, биографиях современников, произведениях русской и мировой литературы, газетных сообщениях, сливались в его творческом процессе в одно целое, обретая форму сюжетной линии его романов. Примером такого рода является литературный дебют Раскольникова — его “статья”, о которой говорят пять персонажей “Преступления и наказания” (следователь Порфирий Петрович, Разумихин, Пульхерия Александровна, Дуня и Свидригайлов), обсуждение которой ведет к дискуссии о возможной и должной степени свободы человека в осуществлении им своей судьбы, о двух типах людей, первый из которых склоняется к тому, чтобы комфортно провести жизнь, не пытаясь выбраться из отведенной ему судьбой социальной ячейки, в то время как принадлежащие ко второму типу, напротив, стремятся к полноценной реализации творческого потенциала в пределах максимально возможной свободы, именно в этом видя основную экзистенциальную ценность бытия.

Необходимо исходить из того, что статья Раскольникова и разговор о ней на страницах романа “Преступление и наказание” содержательно отличаются друг от друга. Главную мысль публикации героя романа обычно привязывают к следующим его словам: “...люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*” [Достоевский 1972–1990 VI, 200].

В литературе о творчестве писателя эту теорему, требующую особых моральных и юридических прав для “сильной личности” при осуществлении ею требуемых для развития человечества социальных проектов, принято связывать с писаниями философов-индивидуалистов и “мыслителей-романтиков”. Это, например, “Французская революция” (1837) и “Герои, почитание героев и героическое в истории” (1841) Т. Карлейля, “Единственный и его достояние” М. Штирнера (1845), “История Юлия Цезаря” Наполеона III (1865–1866). Согласно мнению М.П. Алексеева, в связи с этим необходимо вспомнить о трактате де Квинси “Убийство как одно из изящных искусств” [Достоевский 1972–1990 VII, 337, 404]. Интерес к этому эпизоду романа “Преступление и наказание” подчеркивается огромным количеством работ, трактующих в философском или историко-литературном ключе этико-социальную “теорию Раскольникова”. В литературе о творчестве писателя отмечен длинный ряд концепций, высказанных различными философами и писателями и получивших отражение в идеологии, развиваемой в процессе разговора Раскольникова с Порфирием Петровичем. Некоторые из этих источников получили полноценное отражение в литературе по данной теме, но есть и такие, которые по сей день находясь под спудом, требуют введения в научный оборот.

Раскольников остро ощущает, что противостояние класса людей исключительной воли и таланта мещанской, обывательской среде проходит через его личную судьбу; причисляя себя к разряду людей могущих сказать “новое слово”, он вдруг “не в тон разговора” прибавляет, что “великие люди... должны ощущать на свете великую грусть” [Достоевский 1972–1990 VI, 203]. Этот намек улавливает Порфирий, который тут же спрашивает, не считает ли и себя Раскольников «тоже человеком “необыкновенным” и говорящим новое слово», на что получает подтверждение: “Очень может быть” [Там же, 204]. Неслучайно, работая над романом, Достоевский в задумчивости писал по-французски слово “рутина”. Эти каллиграфические прописи связаны с размышлениями писателя об основном пункте этой доктрины — сосуществовании двух типов людей, один из которых не обещает человеку решения этико-онтологических проблем, но предоставляет возможность заработать немного денег и стать “семьянином, отцом, мужем, хорошим гражданином и проч.” [Достоевский 1972–1990 VII, 136] Записи на смежных страницах тетради показывают, что фактор “рутины” трактован писателем как основная опасность для его героя-философа, отождествляющего “рутину” и “толпу” и комментирующего это сочетание словом “низость” [Там же, 89]. Как и его друг Разумихин, Раскольников ополчается “на рутину их дряхлую, пошлейшую,

закорузлую”, мечтая о “целом новом пути” [Достоевский 1972–1990 VI, 105]. С самого начала работы над произведением писатель намечал возможность ввести в сюжет романа диспут о рутине, которая, по мнению его героя, необходимо потребует от человека, имеющего душу и сердце, пойти на преступление [Достоевский 1972–1990 VII, 94], о том, что в “ужасном положении”, в котором оказываются люди, “слушаться судьбы нельзя, о рутине и проч.” [Там же, 142]. В конце концов, Достоевский утверждает в решении, что этот разговор “о рутине”, убивающей человека как свободное и мыслящее существо, состоится между Раскольниковым и Порфирием Петровичем, где будет окончательно выяснена суть теории Раскольникова: “У Порфирия. Познакомились. Разговор, о чем спорили на вечере. Выпытывает мысли. Раскольников догадывается, в ударе. О работнике. О разных предметах. О преступлении, о власти рутины и исключения и проч.” [Там же, 170]. В дальнейших записях Достоевский подчеркивал важность этого разговора “насчет рутины и избранных” [Там же, 173]. Эти идеи Достоевский вынес из глубин личного мироотношения, опыта противостояния “золотой середине”, как он называл этот слой общества.

Поводом для этого философского диспута между Раскольниковым и Порфирием Петровичем, при участии Разумихина и Заметова, стала публикация статьи главного героя “Преступления и наказания” в газете “Периодическая речь”, которой заинтересовался следователь: «...одна ваша статейка: “О преступлении”... или как там у вас, забыл название» [Достоевский 1972–1990 VI, 198]. Статья лишь повод для разговора, ее содержание не совпадает с диспутом о “двух типах людей”, что многократно подчеркивается в тексте “Преступления и наказания”. Излагая содержание статьи Раскольникова, Порфирий Петрович фиксирует внимание на тезисе: “...некоторая мысль, пропущенная в конце статьи, но которую вы, к сожалению, проводите только намеком, неясно... Одним словом, если припомните, проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... то есть не то что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан” [Там же, 198–199]. Обычно именно в таком смысле и принято воспринимать статью Раскольникова: как указание на деление человечества на два класса, один из которых имеет право на преступление. Однако это уводит нас от истины, со всей очевидностью содержание статьи было другим; обратим внимание, Раскольников решительно не согласен с пересказом Порфирия: “Раскольников усмехнулся усиленному и умышленному искажению своей идеи” [Там же, 199].

Не обращая на это внимания, Порфирий вторично сосредотачивает внимание окружающих на том же тезисе, пользуясь тем, что статью Раскольникова из присутствующих, кроме него, никто не читал. Его задача – подтолкнуть Раскольникова к беседе на тему, которая поможет ему лучше проникнуть в психологию оппонента: «Всё дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на “обыкновенных” и “необыкновенных”. Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные. Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?» [Там же, 199], – еще более заостряет этот тезис Порфирий. Обратим внимание на реакцию Раскольникова. Он понимает, что Порфирий умышленно передергивает содержание его статьи, преследуя цель – вывести его на тему “о праве на преступление”, однако решает принять условия игры, для вида соглашаясь с тем, что его статья именно об этом: “Раскольников усмехнулся опять. Он разом понял, в чем дело и на что его хотят натолкнуть; он помнил свою статью. Он решился принять вызов” [Там же, 199]. Принимая навязываемую ему тему разговора, якобы непосредственно связанную с идеей его публикации, он для вида соглашается с заведомо неверной ее трактовкой: “...вы почти верно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно верно...” Заметим, что после этих слов Достоевский делает ремарку, указывающую на искусственность этого согласия: “(Ему точно приятно было согласиться, что совершенно верно)” [Там же, 199].

Однако следующей репликой Раскольников мягко уводит тезис Порфирия в сторону истинной идеологии произведения: "...я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства, как вы говорите" [Там же, 199]. Что ж касается тезиса, навязанного его публикации Порфирием, он говорит: "...законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь" [Там же, 199–200].

А затем одним изящным движением он опрокидывает приписывание этой мысли его произведению, указав, что об этом уже существует гигантская литература: "Одним словом, вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочтано" [Там же, 200]. Тем самым он окончательно уводит эту мысль от возможности понимать ее как авторскую концепцию, главную тему его статьи, акцентировано привязывая ее к традициям мировой философской мысли.

В игру, которую затеяли Порфирий и Раскольников вмешивается Разумихин, который, не зная текста статьи, принимает все вышесказанное за выражение ее основной мысли: "...что действительно оригинально во всем этом, — и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, — это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное..." [Там же, 202–203].

Раскольников с огорчением видит, что его философский поединок с Порфирием наивный Разумихин принимает за чистую монету и бросает реплику: "В статье всего этого нет, там только намеки" [Там же, 203].

Итак, мысль статьи Раскольникова иная, и он воспроизводит ее непосредственно после опровержения трактовки Порфирия о праве на кровь со стороны части человечества по отношению к другой его части. Он говорит о другом — о чем ранее писали многие и многие авторы, и во что со всей очевидностью верил и сам Достоевский: при выборе жизненного пути человек актуализирует в себе либо полное удовлетворение своих органических (животных) потребностей, либо, в согласии со своей совестью, осуществляет поиск возможности реализовать свой творческий потенциал, быть человеком, "имеющим дар или талант сказать в среде своей новое слово" [Там же, 200]. Заметим, что при новой встрече с Раскольниковым в заключительной части романа, когда обстоятельства резко меняются, Порфирий уже не обнаруживает в статье призывов к пролитию крови "устроителями человечества", но находит в ней иные свойства: 1) нереальность описываемого, 2) искренность и непосредственность изложения: «Статья ваша нелепа и фантастична, но в ней мелькает такая искренность, в ней гордость юная и неподкупная, в ней смелость отчаяния; она мрачная статья-с, да это хорошо-с. Статейку вашу я прочел, да и отложил, и... как отложил ее тогда, да и подумал: "Ну, с этим человеком так не пройдет!"» [Там же, 345]. Таким образом, речь в "Преступлении и наказании" идет одновременно о двух морально-психологических проблемах: выборе жизненного пути в согласии/несогласии с совестью и о возможности пролития крови со стороны нарушителей закрепленных документально общественных норм со стороны разного рода преобразователей сложившегося уклада жизни. Первому посвящена статья Раскольникова, второму — диалог между Раскольниковым и Порфирием, и эта тема содержится в статье лишь в виде прозрачного "намек".

Основная сюжетная линия романа фактически повествует о первом шаге к осуществлению молодого талантливый мыслителя, выступившего с яркой публикацией в известном печатном органе. В комментарии к этому произведению в Полном собрании сочинений Достоевского указывается, что писательские способности Раскольникова определены в рукописях Достоевского достаточно отчетливо, однако оказались

не реализованными в окончательном тексте произведения. Вряд ли это справедливо. Практически все персонажи романа, знакомые со статьей Раскольникова, отмечают литературные способности автора, а Пульхерия Александровна, как это верно отмечено в том же комментарии, “будет связывать... радужные надежды на будущее своего сына” [Достоевский 1972–1990 VII, 315]. Заметим, что в 1860-е гг. для реализации литературного таланта не требовалось наличие серии объемистых романов, достаточно было одной-двух статей. Что показывает, например, опыт молодого журналиста, за творчеством которого Достоевский внимательно следил на протяжении всей жизни, Виктора Петровича Буренина (1841, Москва – 1926, Ленинград), как нам представляется, основного прототипа Родиона Раскольникова.

С начала 1860-х гг. Буренин имел репутацию блестящего и одновременно в высшей степени радикального молодого литератора; его считали лидером молодежи и жестким критиком, не признающим никаких авторитетов. Правда, в юности им владели “шиллеровские” настроения, он писал романтические стихи [Буренин 1933, 404]:

За всё благодарю вас: за презрение,
За смех над страстью, незнакомой вам;
За чудные, хоть краткие мгновения,
Когда я жил во сне и верил снам...
<...>
И на грядущее, не видя в нем отрады,
Боюсь я бросить сумрачные взгляды.

Характерен литературный дебют молодого радикала в “Колоколе” А.И. Герцена. Заметим, что его крестным отцом в литературе стал писатель, который проложил дорогу к читателю дебютному роману Достоевского “Бедные люди” – Н.А. Некрасов, ему понравились сатирические куплеты Буренина “Шабаш на Лысой горе, или Журналистика в 1862 году” [Буренин 1862]. Переехав по его совету из Москвы в Петербург, Буренин поразительно быстро завоевал там литературную популярность. Совпадают и некоторые другие черты биографии двух писателей: В.П. Буренин детство и юность провел в Москве; подобно Достоевскому, окончил курс и получил диплом архитектора (1852–1859), но далее, отказавшись от профессии, посвятил себя литературе.

В Петербурге Буренин оказался в центре внимания читающей публики и литературного сообщества, чему немало способствовали его резкие, не считавшиеся ни с чьими чужими мнениями публицистические выступления, хлесткие пародии и сатиры, печатавшиеся практически во всех известных печатных органах. Вначале это были “Искра”, “День” и “Зритель”, затем “Библиотека для чтения”, “Современник” (“Свисток”), “Санкт-Петербургские ведомости”. Повышенное внимание к текстам Буренина в 1860-е гг. можно сравнить только с таким же вниманием к статьям В.Г. Белинского в 1840-е гг. Особый период для Буренина наступил, когда он стал сотрудником “Санкт-Петербургских ведомостей”, здесь печатались его обзоры литературной и общественной жизни, подписанные псевдонимом “Выборгский пустынный”; псевдоним связан с местонахождением клиники барона Я.В. Виллие, где по прибытии в Петербург он некоторое время работал в качестве архитектора.

Особенностью творческой судьбы Буренина, начиная с этого периода, стал процесс его формирования как радикального мыслителя, нетерпимого ко лжи и пошлости, рутинным общественным нормам, любому стеснению свободы и достоинства человека. Энергию агрессивного стиля он направлял против людей, склонных к тому, чтобы “плыть по течению”. Такого рода произведения он создавал особенно часто в период сотрудничества с “Санкт-Петербургскими Ведомостями” (1863–1875). Главным в литературе для Буренина было не “столкновение идей”, но яростная борьба творческой природы с обволакивающей и стесняющей его свободу рутинной, предубеждениями и привычками, убивающими волю и талант, обращающей человека в социальное животное. Предвосхищая эстетику А.П. Чехова, Буренин отказывал в ценности философскому спору, основанному на логических спекуляциях, предпочитая ему конфликт

между двумя моделями жизни, реализуемыми в “мелочах быта”. Этот художественный метод сам он называл “циническим” или “наглым” реализмом.

Главным занятием Буренина-критика было вскрытие лжи и лицемерия со стороны говорящих о разных важных вещах авторитетных общественных и литературных деятелей. Отсутствие политической ангажированности (от него в равной степени доставалось и “правым” и “левым”) и презрение к групповым нормам сделали его любимцем русского читателя, эта «специфика его позиции в полной мере раскрылась уже в “Санкт-Петербургских Ведомостях”» [Игнатова 2010, 33]. О своем кредо публициста Буренин позже писал: “Я с тех пор, как вступил на поприще литературы, поставил себе целью, по мере моего умения и моих сил и способностей, преследовать и изобличать всякую общественную и литературную фальшь и ложь, и в особенности фальшь и ложь, которые топорщатся и лезут на пьедестал, которые прикрываются павлиньими перьями псевдолиберализма или псевдоохранительства, псевдокосмополитизма; которые, будучи, в сущности, поверхностным легкомыслием и фиглярством, селятся изобразить из себя нечто глубокое и серьезное... <...> Нельзя требовать примиряющего и елейного тона от того, кто решился принять на себя эту тяжелую роль. А роль эта действительно нелегка: надо быть человеком не от мира сего, чтобы упорно, не боясь криков и порицаний, делать свое дело так, как его разумеешь, идти прямо и твердо тем путем, который себе наметил” [Буренин 1878, 2].

Стержневым пунктом мировоззрения Буренина, со всей отчетливостью проступавшим в его очерках и статьях, была теория жесткого противостояния “гения” и “среднего таланта”; “гений”, способный сказать “новое слово”, по его мнению, имел право на “учительскую” функцию, повторяя тем самым мысль А. Шопенгауэра [Игнатова 2010, 171].

Фамилия главного героя романа “Преступление и наказание” также намекает на Буренина, который не скрывал происхождения из раскольников. Как и Раскольникову (а в свое время и самому Достоевскому), в период вступления в литературу ему было 23 года, он также жил в бедности, пытался переводить. Ему было присуще отвращение к партийности и столь симпатичное Достоевскому героическое противостояние лжи, лицемерию и мещанским предрассудкам. Начиная с сентября 1865 г., каждую неделю (чаще всего по воскресеньям), в “Санкт-Петербургских ведомостях” в рубрике “Общественные и литературные заметки” печатались его фельетоны под псевдонимом “Выборгский пустынный”, в которых Н.С. Лесков – и не он один – видел “массу начитанности, остроумия и толковости”. В письме к А.С. Суворину от 11 марта 1887 г. Лесков писал о благодарности со стороны Л.Н. Толстого Буренину “за указания”, а также о том, что помимо превосходной критики, от Буренина время от времени исходят какие-то “выходки”, которые заставляют считать его “ругателем” [Лесков 1958, 337]. Важно заметить, что звезда Буренина зажглась на литературном небосклоне России в начале 1860-х гг. как явление нового типа журналистики, его тексты поражали не только смелостью суждений, но и царствующим в них духом чего-то сильного, смелого, не ангажированного и свободного. В последующие годы именно благодаря Буренину “Новое время” получило репутацию смелого печатного органа, не считающегося с авторитетами; заметим, что Достоевский высоко ценил эту газету и дружил с ее главным редактором А.С. Сувориным.

В основе отношения Достоевского к Буренину лежал живой интерес, основанный на ощущении “дежавю”: ведь именно в таком же положении быстро обретшего популярность, но неистово травмированного писателя был и сам Достоевский ровно 20 лет назад, в том же возрасте, что и Буренин. Разумеется, различен вклад двух писателей в литературу, характер творчества, идеология и эстетические предпочтения, но общее – состояние “белой вороны” и активное противостояние торжествующей пошлости и “рутины”. Совершенно в духе героя Достоевского, в период, когда шла работа над этим произведением, он совершал жесткие выпады против “золотой середины” в “Общественных и литературных заметках”: “О мои друзья! Да охранит вас богиня разума (если таковая может быть допущена в культ россиян) от прельстительных объятий этой белой, точно

крупчатой и румяной буржуазы, которую зовут золотой серединой! <...> Да не укачает она вас сном отупения на своих мясистых коленях, напевая долгую, противную, но одуряющую песню о тех мелких и пошлых радостях, какими любит она награждать своих любимцев!” [Буренин 1866^a, 1].

Достоевскому был, по большому счету, симпатичен молодой литератор, который, как и он в юности, совершил донкихотский поступок и вышел на бой за правду против всех и не считаясь ни с чем. Это особенно ценно еще и потому, что молодой критик весьма недружелюбно относится к идеологическим романам Достоевского, а ранее, еще более жестко — к его “почвенничеству”. Буренин не признавал никаких авторитетов и бил наотмашь, если видел нечто, идущее вразрез с его идеологическими и эстетическими представлениями. Неслучайно, как одному из столпов отечественного “нигилизма” в романе “Бесы” ему пришлось по душе сатирическое изображение “либералов 1840-х гг.” [Достоевский 1972–1990 XII, 258]. Хотя в его откликах было немало дерзостей, он написал слова, которые не могли не произвести впечатление на Достоевского: “Г-н Достоевский — крупный литературный талант (едва ли не самый крупный талант после г. Тургенева) и, что бы он ни писал, пишет вследствие искреннего и глубокого убеждения... .. между г. Достоевским и авторами вроде г. Стебницкого лежит целая бездна” [Там же, 260]. И далее он писал о том, что сам Достоевский считал самым важным достоинством: его произведения есть “плод искреннего убеждения, а не низкопоклонства пред грубыми и плотоядными инстинктами толпы” [Там же, 261]. Достоевский заметил это: «...в разборе моего романа “Бесы” пропустил мысль, что если я и изменил мои убеждения, то произошло это во мне искренно (то есть не из видов, а, стало быть, честно), и что фраза эта меня даже тронула» [Достоевский 1972–1990 XXI, 306]. В записной тетради Достоевский пометил: “Буренина очень тонкие отметки”, с ироническим прибавлением: “...но допускает возможность поклониться и вершине Алтая” [Там же, 225].

Как указывалось выше, мысль о противостоянии искренней мысли и чувства лицемерной “рутины” Буренин располагал в тексте или в подтексте почти каждого из критических эссе. Так, например, рассуждая о романе “Братья Карамазовы”, он вступал в борьбу с недалекими, по его мнению, читателями, которые обнаруживали в этом произведении переизбыток “лампадного масла” и “психиатрической истерики”, утверждая, что за ними стоит не “простая обрядность”, но “исстрадавшаяся глубокой жизненной скорбью душа”, и что “струны злобы дня”, затронутые писателем, должны “чутко отзываться в сердце каждого” [Достоевский 1972–1990 XV, 493]. В другой рецензии на это произведение он указывал на важное достоинство Достоевского — умение показать искусно замаскированную ложь, пронизывающую все сферы общественной жизни [Там же, 499]. В рецензии на роман “Братья Карамазовы” критик писал: “В последнем произведении г-на Достоевского оба помянутые элемента связаны органически с теми фигурами и с теми мотивами романа, которые составляют основу его общего замысла и действия... в форме поучений умирающего старца автор затрагивает, в сущности, такие струны злобы дня, которые должны чутко отзываться в сердце каждого, кто живет этою тревожною злобой, для кого она невольно сделалась предметом неустанных дум” [Буренин 1879].

В письме к А.С. Суворину от 14 мая 1880 г. Достоевский подчеркивал, что очень дорожит литературным мнением Буренина, а 5 июня 1880 г. сообщает жене А.Г. Достоевской из Москвы, во время проведения Пушкинского праздника, что вчера утром он, “Суворин, его жена, Буренин и Григорович были в Кремле, в Оружейной палате, осматривали все древности...”, а затем в саду “Эрмитаж” “сидел и всё время пил чай с Сувориным и с Бурениным” [Достоевский 1972–1990 XXX (1), 180]. После смерти мужа Анна Григорьевна находилась в переписке с Бурениным, 15 мая 1888 г. написала ему: “Покойный муж мой так уважал Вас; он ценил Ваши отзывы о нем и находил, что Вы, из всех писавших о нем, наиболее понимали его мысли и намерения” [Достоевская 1976, 140].

Но в 1860-е гг., когда Достоевский находился в состоянии жесткой полемики с “Современником” и “Свистком”, ситуация была иной. Начиная с 1863 г., во многом благодаря усилиям Буренина, “Искра” и “Свисток” жестко критиковали журнал братьев Достоевских “Время”, например, под псевдонимом “Михаил Антиспатов” был опубликован стихотворный памфлет «Ах, зачем читал я “Время”» [Антиспатов 1863, 85]. Достоевский пытался ответить литературным “нигилистам” в статьях “Молодое перо” и “Опять молодое перо” [Достоевский 1972–1990 XX, 78–97], что вызвало с их стороны новый шквал памфлетов. “Почвенническая” идеология Достоевского, мысль о спасительной роли христианского нравственного идеала для страны и всего мира в целом, вызывала особенно сильный сарказм Буренина. 22 февраля 1863 г., в соавторстве с В.С. Курочкиным, он опубликовал фельетон «Ванна из “почвы”, или Галлюцинации М.М. Достоевского. Фантастическая сцена», который был откликом на “почвеннические” статьи в журнале “Время”. Этот фельетон в издевательской форме представлял идеологию журнала братьев Достоевских, сравнивая ее с жабой, которая тужилась стать великой, но в результате лопнула, и от нее осталась одна только “почва” [Достоевский 1973, 389]. Статья Достоевского “Господин Шедрин, или Раскол в нигилистах” не была исключением, 25 августа 1864 г. “Искра” ответила на нее статьей Х. Цередринова (В.П. Буренина) “Видения редакторов. Ерундиада, или Начало конца”. Не было у Достоевского в начале 1860-х гг. более жесткого и язвительного журнального недруга, чем В.П. Буренин. Выход из печати первых частей романа “Преступление и наказание” в рецензии, опубликованной в Санкт-Петербургских Ведомостях 20 марта 1866 г., критик расценил как “произрастание беллетристического ананаса” на «картофельных грядках “Русского Вестника”» [Буренин 1866^b]. Позже на роман “Идиот” Буренин откликнулся тремя статьями, опубликованными в “Санкт-Петербургских ведомостях”, согласно его мысли главный герой романа – психически ненормальный, это же касается и ряда окружающих его лиц, что позволяет предложить произведению альтернативное название – “Идиоты”. В полемическом запале Буренин позволил себе издеваться даже над каторжным прошлым Достоевского. В его комических сценках “Примный день у редактора” некий подвыпивший субъект навязывает издателю “вещицу в тепленьком роде”, “записки заключенного”, явно намекая на “Записки из Мертвого дома” Достоевского [Буренин 1863, 8–9]. Но это не мешало Достоевскому сохранять заинтересованное внимание к творчеству Буренина. Так в 1878 г., читая роман Н. Морского “Аристократия Гостиного двора” в “Ниве”, он интересовался, не псевдоним ли это Буренина [Достоевский 1972–1990 XXX (1), 44], а когда книга вышла, приобрел ее [Гроссман 1919, 132]. Жесткое отношение к Буренину в начале 1860-х гг. сменилось глубокой симпатией к концу 1860-х и продолжалось затем на протяжении всей жизни. А посередине между двумя полярными состояниями их отношений, между началом 1860-х и 1870-ми гг., был роман “Преступление и наказание”, в котором личность Буренина сыграла существенную роль в формировании образа Родиона Раскольников.

Существует мнение, что вымышленное название газеты, где была опубликована статья Раскольников, намекает на “Русскую речь”. Но еще более вероятно, что Достоевский, используя столь любимый им метод криптографии, сознательно уводит читателя от истинного названия газеты, где статья такого рода на самом деле появилась, – “Санкт-Петербургские ведомости”. Обратим внимание на то, что название газеты, которую в Петербурге называли просто “Ведомости”, сохранилось в подготовительных материалах к роману: “Скажите, статья в “Ведомостях” *ваша*?”; «Скажите, в “Ведомостях” это ваша статья?» [Достоевский 1972–1990 VII, 184, 185]. По словам Порфирия, статья вышла из печати “два месяца назад” [Достоевский 1972–1990 VI, 198], то есть в течение 1865 г., учитывая, что действие романа происходит в июле того же года.

Судя по всему, эти записи намекают на фельетон “Выборгского пустынного”, опубликованный “не два месяца назад”, а два месяца позже описываемых событий – 31 октября / 12 ноября 1865 г. в рубрике “Общественные и литературные заметки” в “Санкт-Петербургских ведомостях”, с подзаголовком: «Некоторые размышления о том, что каждому смертному, желающему быть истинно счастливым человеком,

следует найти себе “настоящую линию” и не заходить на ней дальше известной точки...» В статье проводится мысль о жестком противостоянии двух концепций жизни: “настоящей” и “ненастоящей”, ее смысловым центром является моральный критерий, заставляющий человека выбрать тот или иной уровень свободы в реализации жизни. Первая из моделей значительно более насыщенная и ценная, однако полна опасностей и чревата преступлением, вторая — творчески бессодержательна, но наполнена удовольствиями и наслаждениями: «...как хорошо и выгодно существовать в сем мире, отыскать “настоящую линию” для своего существования. Однако нужно заметить, что дело еще не может ограничиваться только обретением такой линии: найдя ее, следует строго наблюдать, чтоб течение по ней совершалось до известной точки, за которую не следует переступать никоим образом, ибо подобное преступление грозит если не гибелью, но расстройством правильного течения. <...> Так, повторяем опять, перешагивание за известную точку на линии столь же убыточно, сколько бесполезно...» [Буренин 1865, 1].

В одной из следующих “Заметок” продолжающегося фельетона критик детально анализирует душевное состояние человека, потрясенного осознанием “гибельного направления мира” и погруженного в сонм “гражданских слез”; он стремится исправить мироздание по-своему, он “радикал”, у него “энергическое лицо” и “порывистая речь”, и он напоминает Буренину одновременно и Брута, и Марата: «...он так же неряшлив, как знаменитый “друг народа” и неряшлив не одною своей внешностью... но и всем своим существом», «вместо крови в его сердце струится настоящая грязь, как доказывают все его полемические статьи, писанные... “кровью сердца”. А сонм этих юношей, готовых за свободу и право человечества так благородно и так самоотверженно... болтать с утра до ночи» [Буренин 1866⁶]. Смысл этой прозрачной замены слова — “болтать” после многозначительного четырехточия был внятен читателю, хорошо понимающему “эзопов язык” радикальной русской публицистики в ее противостоянии цензуре. В 1860-е гг. в связи с реформами убыстрился процесс коммерциализации всех уровней социального устройства страны, и тема выбора жизненного пути, которую поднимал И.А. Гончаров в “Обыкновенной истории” и Ф.М. Достоевский в “Бедных людях”, обрела экзистенциальное значение для миллионов молодых людей, вступающих в жизнь. Это чутко ощутил Буренин, и именно к молодым людям, ощущающим в себе талант и требующие реализации жизненные силы, адресовано его эссе, жестко разделяющее два пути в жизни — “настоящий” и “ненастоящий”.

Что же касается дальнейшего влияния Буренина на творчество Достоевского, то оно продолжалось. Типичный “шестидесятник” и “нигилист”, Буренин менее других считал себя связанным рамками приличия, Н.С. Лесков видел в нем “бесцеремонного циника”, “который только и выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-нибудь пошлое” [Лесков 1958, 533], в похожем тоне высказывались и другие литераторы. Желчный нарратив Буренина со всей очевидностью оказал мощное влияние на формирование этического наклонения “Записок из подполья” Достоевского, а эпиграфом к этому произведению можно поставить строки из стихотворения Буренина [Буренин 1892, 15–16]:

Нынче я угрюм и злобен,
Надоел я сам себе:
К праздной лени неспособен,
Неспособен и к борьбе.
Скорби сердца не измерить,
Отвращенье от всего...
Ах, во что ж могу я верить
И кого любить, кого?
Так мне Божий свет не весел —
Просто взял бы да гуртом
Человечество повесил
И повесился потом.

Другое произведение, связанное с литературным отражением буренинского нарратива, — “Бобок”. Г.Я. Галаган не без оснований считает, что сочинения Буренина предопределили сюжет “Бобка”, а также формирование повествователя, обозначенного словосочетанием “одно лицо”. Пьер Бобо — издевательская переделка в фельетонах Буренина имени Петра Дмитриевича Боборыкина [Достоевский 1972–1990 IX, 93], что сам писатель отметил в эссе “Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова” (1878) [Достоевский 1972–1990 XXI, 404, 407–409]. Не исключено, что буренинский рационализм и “циничный” прагматизм лежат в основании мировоззрения и философских спекуляций Смердякова в романе “Братья Карамазовы”.

Стихи Буренина об И.С. Тургеневе, опубликованные в “Искре” (“Парижский альбом”), зло высмеивают тематику произведений “великого писателя”, в речах которого знаменательно рифмуются “Мерси” и “Христос спаси” [Буренин 1933, 466]:

В русской церкви за обедней
Весь beau monde наш собрался;
Там Тургенева я встретил;
Поболтали с полчаса.
“Каково, Иван Сергеич,
Поживаете?” — “Мерси.
Всё пишу о нигилистах —
Русь от них Христос спаси!”

Не начало ли это темы “великого писателя” Кармазинова, автора “грациозного” произведения, плода “изящнейшего беллетристического вдохновения” под названием “Мерси” в романе Достоевского “Бесы”? [Достоевский 1972–1990 X, 350, 356–357]

Буренин пережил три этапа, каждый из которых характеризовался определенной репутацией: 1860-е гг. — “молодое перо”, опровергающее все традиции и сложившиеся мнения, дерзкий “нигилист” и безжалостный памфлетист (“Искра”, “Санкт-Петербургские ведомости”); 1870–1880-е гг. — сокрушающий авторитеты маститый критик, по популярности равный В.Г. Белинскому в 1840-е гг. (“Новое время”), в последние три десятилетия — брызжащий на весь белый свет старый циник, который прилюдно и, никого не стесняясь, свел в могилу поэта Надсона издевательствами [Рейтблат 2005, 154–166].

На протяжении всех трех этапов Буренин делал четыре основных дела: 1) высмеивал и ниспровергал литературные авторитеты — казалось, тем более он наливался желчью, чем большей популярностью пользовался автор, о котором он писал, 2) проповедовал литературное направление, которое можно охарактеризовать как бытовой или социальный натурализм и который он сам называл “циническим реализмом” (или “наглым реализмом”) [Игнатова 2010, 95], 3) Вместе с А.С. Сувориным создал жанр газетно-журнального фельетона, который утвердился затем в отечественной журналистике вплоть до наших дней, 4) развивал в критических очерках и памфлетах идею о самом важном из всех противостояний, которые расслаивают человеческое сообщество — о противостоянии талантливого человека и обывателя, “человека рутины”, готового уничтожать все, что не уместается в рамки его неширокого кругозора. За всеми этими направлениями деятельности критика с начала 1860-х гг. внимательно и заинтересованно наблюдал Достоевский. Его всегда интересовали люди такого типа, и в конечном итоге характер Буренина и ряд его статей из продолжающегося фельетона “Общественные и литературные заметки”, которые читал писатель в период написания им романа “Преступление и наказание”, лег в основание характера и первой пробы пера главного героя это произведения Родиона Раскольникова.

Источники – Primary Sources in Russian

Антиспатов 1863 – *Антиспатов Михаил [Буренин В.П.] Стихотворения, присланные в редакцию “Свистка” // Свисток. 1863. № 9. С. 82–86 [Antispatov, Michhail [Burenin, Viktor P.] (1863) ‘The poems, sent to the editor of Svistok’ (In Russian)].*

Буренин 1862 – *Буренин В.П. Шабаш на Лысой горе, или Журналистика в 1862 году // Искра. 1862. 30 ноября. № 46. С. 626 [Burenin, Viktor P. (1862) ‘Sabbath on Bald mountain, or Journalism in 1862’, (In Russian)].*

Буренин 1863 – *Буренин В.П. Приемный день редактора // Библиотека для чтения. 1863. Т. 180. № 12 (декабрь). Отд. II Очерки литературного быта. С. 1–24 (вторая пагинация) [Burenin, Viktor P. (1863) ‘The reception date at the editor’s office’ (In Russian)].*

Буренин 1865 – *Буренин В.П. Общественные и литературные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 286. С. 1–2 [Burenin, Viktor P. (1865) ‘Public and literary notes’ (In Russian)].*

Буренин 1866^а – *Выборгский Пустынный [Буренин В.П.] Общественные и литературные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 16. С. 1 [Burenin, Viktor P. (1866) ‘Public and literary notes’ (In Russian)].*

Буренин 1866^б – *Выборгский Пустынный [Буренин В.П.] Общественные и литературные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 30. С. 1 [Burenin, Viktor P. (1866) ‘Public and literary notes’ (In Russian)].*

Буренин 1866^в – *Выборгский Пустынный [Буренин В.П.] Общественные и литературные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 78. С. 1 [Burenin, Viktor P. (1866) ‘Public and literary notes’ (In Russian)].*

Буренин 1878 – *Буренин В.П. Литературные очерки // Новое время. 1878. № 999. С. 2–3 [Burenin, Viktor P. (1878) ‘Literary essays’ (In Russian)].*

Буренин 1879 – *Буренин В.П. Литературные очерки // Новое время. 1879. № 1273 С. 2–3 [Burenin, Viktor P. (1879) ‘Literary essays’ (In Russian)].*

Буренин 1892 – *Буренин В.П. Песни и шаржи. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1892 [Burenin, Viktor P. (1892) *Songs and cartoons* (In Russian)].*

Буренин 1933 – *Поэты “Искры”. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933 [Burenin, Viktor P. (1933) *Poets of “Iskra”* (In Russian)].*

Достоевская 1976 – *Достоевская А.Г. Письмо к В.П. Буренину от 15 мая 1888 // Байкал. 1976. № 5. С. 140 [Dostoevskaya, Anna G. (1888) ‘The letter to V.P. Burenin, 1888, May 15’ (In Russian)].*

Достоевский 1973 – *Курочкин В.С. Письмо В.П. Буренину от 26 февраля 1863 г. // Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 388–389. (Литературное наследство; т. 86). [Kurochkin V.S. Letter to V.P. Burenin 26 February 1863 (In Russian)].*

Достоевский 1972–1990 – *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 (Dostoevsky, Feodor M. (1972–1990) *Complete works* (In Russian)].*

Лесков 1958 – *Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. Т. 11. Письма. М.: ГИХЛ, 1958 [Leskov, Nikolay S. (1958) *Complete works* (In Russian)].*

Ссылки – References in Russian

Гроссман 1919 – *Гроссман Л.П. Библиотека Достоевского. Одесса: Книгоизд-во А.А. Иваненко, 1919.*

Игнатова 2010 – *Игнатова И.Б. Литературно-критическая деятельность В.П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.*

Рейтблат 2005 – *Рейтблат А. И. Буренин и Надсон: как конструируется миф // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 154–167.*

Philosophical Essays by V.P. Burenin and the Rodion Raskolnikov's Article in the Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*

Konstantin A. Barsht

The paper proposes a new version of the genesis of Raskolnikov's article in Dostoevsky's novel *Crime and punishment*, which in its content is rather different comparing with the conversation between Porfiry and Raskolnikov about the right of any outstanding person to commit a crime. Dostoevsky indicated in his working notebook that the article, which interested Porfiry, was published in the newspaper *St. Petersburg Vedomosti*. The novel *Crime and punishment* relates to 1865. According to our version, there is an allusion to Vladimir Burenin, in particular, to his article in *St. Petersburg Vedomosti* at 31 October / 12 November 1865, feuilleton *Social and literary notes* subscribed with the pseudonym *Vyborgskij Pustynnik (The hermit of Vyborg)*. His article analyzes two opposite, in their ethical sense, models of existing for any human being, one of them named by him as *the real life*, and the second is showed as empty and meaningless, though it full of different pleasures. Dostoevsky was an attentive reader of this newspaper, also he knew very well other Burenin's works. At 1863–1865 he led a fierce debate with the magazine *Sovremennik*, which published attacks by Burenin against *Vremja*, magazine of Dostoyevsky brothers. The paper traces different stages in private and literary sphere stages in lives of two writers, and it is noticeable that at 1870-s their relations were significantly warmed up. The beginning of that interest by Dostoevsky to one of the main leaders of the *nihilists* at 1860-s we see in the attempt to display Burenin's nature, honest young radical with outstanding literary talent, in the main character of the *Crime and punishment*.

KEY WORDS: F.M. Dostoevsky, *Crime and punishment*, Rodion Raskolnikov's article, V.P. Burenin's article.

BARSHT Konstantin A. – DSc in Philology, professor, leading research fellow of the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) Russian Academy of Sciences.

konstantin_barsht@pushdom.ru

<http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10084>

Citation: Barsht, Konstantin A. (2017) 'Philosophical essays by V.P. Burenin and the Rodion Raskolnikov's article in the Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*', *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2017), pp. 112–123.

References

- Grossman, Leonid P. (1919) *Dostoevsky's library*, knigoizdatel'stvo A.A. Ivasenko, Odessa. (In Russian).
- Ignatova, Irina B. (2010) *Literary-critical activity of V.P. Burenin: Genesis, evolution, critical method* (Dissertation), MPGU, Moscow. (In Russian).
- Reitblat, Abram I. (2005) 'Burenin and Nadson: how the myth is constructed', *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Vol. 75, pp. 154–167. (In Russian).